

А. И. Федута (Минск)

«Нечитатель» в русской литературе пушкинской поры

*С гордостью могу сегодня сказать,
что первым взрослым исследователем,
которому я осмелился возражать в первой же
своей публикации, был наш юбиляр М. В. Строганов.
Из свойственного мне духа противоречия
решился я опубликовать в сборнике,
адресованном ему — одному из ведущих исследователей
проблемы читателя в русской классической литературы,
—opus, посвященный проблеме «нечитателя»,
тем самым и здесь внося белорусскую ложку дегтя
в тверской медовый пирог.*

Мотив «нечтения» в русской литературе первой трети XIX века носит такой же принципиальный характер, как и мотив чтения. Он разграничивает героев «новых» и героев ушедшей эпохи и дает возможность автору высказать свое отношение к персонажам. При этом чтение зачастую демонстрирует как раз обратное — «нечтение». Например, показательно, что читает дядя Евгения Онегина:

...календарь осьмого года;
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел¹.

Фактически такая характеристика означает, что дядя не читал даже «календарь осьмого года», поскольку чтение адрес-календаря, имеющее смысл исключительно в год его выхода, становится в данном случае процессом бессмысленным: содержащаяся в нем информация безнадежно устарела².

---

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. М.: Художественная литература, 2002. С. 67.

² В. В. Набоков утверждает, что речь может идти о «Брюсовом календаре» — издании, отражающем ход сельскохозяйственных работ, а потому вполне полезном

Сам механизм подобного чтения — «нечтения» блестяще описан Г. Ф. Квиткой-Основьяненко в его комедии «Шельменко-денщик». Провинциальный (в данном случае — малороссийский) помещик Кирило Петрович Шпак, считающий себя вполне культурным человеком, так описывает свою привычку к чтению: «Я получаю только „Московские ведомости“ и читаю их по прошествии года, за один раз. Журналов же не могу читать; там вечно: продолжение впредь — и жди конца целый месяц»³. «Читая по прошествии года все номера вместе, я имею полное наслаждение знать, чем какое обстоятельство кончится. Например: кроме военных действий, я люблю следовать за семейными делами Европы, и вот читаю, что такой-то принц женился; и пока вы, Осип Прокопович, мучитесь десять месяцев неизвестностью, я в тот же вечер узнаю, чем его молодая супруга разрешилась и как зовут новорожденное...»⁴.

Возражение о том, что Шпак все-таки читает, рассыпается в тот момент, когда Кирило Петрович начинает описывать сам процесс чтения: «Где же я остановился? Да, точно, № двенадцатый, второенадесять число... что?.. так, так. Боюсь, чтобы прочитанного не начать сызнова читать, а начавши, должен буду и оканчивать, так двойная бы работа была...»⁵.

Чтение, при котором «читатель» не усваивает, не запоминает содержание прочитанного, а осуществляет чтение механически, называется в педагогике функциональной неграмотностью. Именно так «читает — не читает» книги и лакей Павла Ивановича Чичикова — Петрушка, который, по словам автора, «имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он все читал с равным вниманием; если бы ему подвернули

в сельской глуши, вне зависимости от года выпуска (см.: *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство — СПб; Набоковский фонд, 1998. С. 221). Однако не будем забывать, что «библиотека» дяди показана глазами горожанина Евгения, который, скорее всего, не обратил бы внимание на «Брюсов календарь», ибо это издание не являлось для него самого предметом чтения. Адрес-календарь замечен Евгением именно потому, что его чтение спустя несколько лет после выпуска является курьезом. При этом показательно, что в другом пушкинском произведении — «Истории села Горюхина» — Повествователь радуется нечаянно обнаруженному в старой корзине собранию календарей: «Всё же это были книги, и я щедро наградил усердие прачки полтиною серебра» (*Пушкин А. С.* История села Горюхина // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937—1949. Т. 8, кн. 1. С. 133).

³ Цит. по изд.: *Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Шельменко-денщик // *Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Зібрання творів. У 7 т. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 2. С. 90.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 68.

химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше само чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит»⁶.

Причем если первоначально подобно Петрушке читает и сам Павел Иванович (вспомним, что для него что афишка, что том герцогини Лавальер — разницы нет, он все пробегает глазами с равным, казалось бы, вниманием), то процесс чтения купчих крепостей показывает, что Чичиков — все-таки читатель: его воображение дописывает судьбы умерших и беглых крепостных на основании минимальной информации, что даже дает возможность в будущем А. А. Потебне использовать этого героя как пример квалифицированной читательской рецепции⁷.

Идеальным же «нечитателем» у Гоголя становится Акакий Акакиевич Башмачкин, безукоризненный переписчик текстов, не понимающий вместе с тем их содержания: «Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его»⁸. Чтение по буквам есть процесс без результата, без осмысления, — то есть, процесс, который можно обозначить как «чтение — нечтение».

Однако ни Шпак у Квитки-Основьяненко, ни гоголевские Петрушка и Башмачкин не осознают факт своего «нечитательства» как реалии. Башмачкин — просто потому, что «читает» абсолютно механически, Шпак и Петрушка — поскольку убеждены в том, они именно читают. Иное дело, когда персонаж сознательно отмежевывается от чтения если не всех книг, то большей их части. Так, скажем, грибоедовский Фамусов констатирует:

⁶ Цит. по изд.: *Гоголь Н. В.* Мертвые души. Поэма // *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений. В 7 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 5. С. 18. — Ср.: «... прошу у него любопытненького прочесть, и он шлет мне единственную, имеющуюся у него в библиотеке, книгу под заглавием: „Северная пчела, политическая и литературная газета 1836 года“, а она у него вся в переплете, как будто и важная, настоящая, о какой-нибудь материи книга; и я читаю ее с наслаждением, потому что там есть-таки над чем посидеть, а особливо политические предметы, прелесть! И везде точки, запятые и прочие знаки! Спасибо!» — *Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Знакомые незнакомцы // *Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Зібрання творів. У 7 т. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 5. С. 389.

⁷ См.: *Потебня А. А.* Мысль и язык // *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 137–138.

⁸ *Гоголь Н. В.* Шинель // *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений. В 7 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 3. С. 116.

... в чтении прок-от не велик:

Ей (дочери Софье — А. Ф.) сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится⁹.

В отличие от Пушкина, констатирующего, что «мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша, кажется, не старше Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена»¹⁰, для Грибоедова добровольный отказ от чтения русских книг (как в случае с Фамусовым) есть признак культурной отсталости, прозябания в прошлом веке. Вспомним, что Графиня Анна Федотовна из «Пиковой Дамы», живущая в XIX веке так, как если бы все еще продолжался век XVIII, также не читает русских книг и даже не знает об их существовании: «А разве есть русские романы?...»¹¹.

Примечательно, однако, появление другого типа «нечитателей» — тех, кто осознает собственное «нечтение» как несчастье, как социальный недостаток. Это связано с тем, что наконец полностью реализуются кадровые принципы, заложенные в реформах М. М. Сперанского¹²: дворянин не мог получить очередной чин, если не соответствовал определенному уровню грамотности. Скажем, в повести А. А. Орлова «Верхоглядь, приезжие за газетами, или Махнули рукой, да и поехали домой» герои жалуются сами себе: «Убивает нас совесть, что мы, числяся происхождения дворянского, не видали службы Государевой, не читывали книг; так, по крайней мере, подпишемся на получение оных. Пусть станут все говорить: вот, каковы Переяславских Залесьев обитатели! Газеты почитывают! Даром, что печать Гражданская; видно, дискать, грамотеи»¹³. При этом сами Сысой Сысоич и Абакум Абакумович как были, так и остаются «нечитателями» — внутренней потребности чтения у них не возникает: «Сысой Сысоевич! отвечал Абакум Абакумович; два с полтиной ничего; да мы грамотеи не лихие! Ну, ежели придется, что заставят нас где-нибудь прочитывать что-нибудь из Газет? что тут делать! Не только в Переяславле и Александрове, но и в самом

⁹ Грибоедов А. С. Горе от ума // Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений. В 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1. С. 15.

¹⁰ Пушкин А. С. Рославлев // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8, кн. 1. С. 150.

¹¹ Пушкин А. С. Пиковая Дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8, кн. 1. С. 232.

¹² Ср.: «Последующие восьмиклассные чины затруднить для неучившихся и облегчить, сколь можно, для тех, кои предъявят свидетельства в их учении. Второе побуждение к наукам» (Сперанский М. М. Об усовершеннии общего народного воспитания // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб: Наука, 2002. С. 333).

¹³ <Орлов А. А.> Верхоглядь, приезжие за газетами, или Махнули рукой, да и поехали домой. Переяславская повесть. Сочинение Александра Орлова. М., 1831. С. 3.

Володимире скажут: как так! люди нигде небывалые, да и не грамотеи, а читают Газеты? Вот, что опасно!

Ничего! возопил Сысоич, увертка нужна! не заставят там читать, где сами знают; а буде так, в ответе: глаза плохи! не вижу! Да вот, что еще: Газеты выходят в неделю два раза; а много ли недель в году?»¹⁴

Если гоголевские Петрушка и Башмачкин имитируют процесс чтения бессознательно, испытывая от него удовольствие, то герои Орлова сознательно пускаются на обман, чтобы повысить таким образом свой социальный статус в глазах окружающих: «Вот, видишь ты, сказал Абакумович; по листу, сто шесть листов; а как по пяти, пять сот с десятками. Брат! так мы их не прочтем; станем читать хоть заглавие: Московские Ведомости! а может, доберемся и далее; да покрайней мере, скажут: мы читаем Газеты! Однако и тут надобно иметь сноровку! глядеть, не оборотить бы при людях верхним концом вниз; а это, вот, как: наверху цыфирь, так и замечать, что это верх, а не низ; вот, и будут все видеть, что мы грамотеи!»¹⁵ Практически той же «меткой» отмечен и Репетиллов в «Горе от ума». Не случайно на его вопрос: «Читал ли ты? есть книга...» — Чацкий отвечает встречным вопросом — вопросом удивления:

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетиллов ли?¹⁶

Маскируется под читателя заезжий петербургский франтик Иван Александрович Хлестаков: он хорошо понимает, что начитанность — признак принадлежности к столичной элите. Отсюда в его речи цитаты из Карамзина, ссылки на близость к сочинителям — и даже собственное авторство. При этом неуместность используемых цитат, отсутствие закреплённости

¹⁴ Там же. С. 4–5.

¹⁵ Там же. С. 10–11. — Ср. у Г. Ф. Квитки-Основьяненко: «Наконец, склонилась речь, как водится, на „Московские ведомости“, получаемые Иваном Андреевичем в складчину с Сергеем Петровичем, Демьяном Ивановичем, Алексеем Дмитриевичем и Григорием Павловичем, который, — заметил один из тут бывших акционеров, — сам почти и не читает, а идет в складчину, чтоб прислужиться уездного судьи дочерям, любящим заниматься „российскою литературою“, т. е. с жадностью перечитывающих объявления о продающихся книгах у московских книгопродавцев и по заглавиям книг угадывающих о содержании их. Самих же книг, ни ныне, ни прежде объявленных, им никак не удастся читать: „дороги эти бестии, книги, а толку ни на грош. За деньги, что стоит одна книга, я куплю какое-нибудь животное, так сколько оно мне даст потомства!“» — *Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Знакомые незнакомцы // *Квитка-Основьяненко Г. Ф.* Зібрання творів. У 7 т. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 5. С. 378.

¹⁶ *Грибоедов А. С.* Горе от ума // *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений. В 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1. С. 103.

в его сознании имени автора (Загоскина) за конкретным произведением, свидетельствует о том, что текстов он не читал, а лишь наслышан о них.

Неоднократно выводивший в своих произведениях образы «нечитателей» Г. Ф. Квитка-Основьяненко рисует печальную судьбу доставшейся подобным наследникам библиотеки: «Петрусь, как гений ума, тотчас меланхолично предложил: выбрать ему следующее количество книг, по числу всей массы; за ним выбираю я столько же, и так далее, до последнего брата, коему достанется остаток. Меньшие братья мои, быв натуральны, за книгами не гонялись и, чтоб показать нравственность старшему брату, тотчас и согласились; но я, я, Санкт-Петербургский жилец, следовательно, почерпнувший и тамошние хитрости, я предложил новый метод делиться книгами, едва ли где до нас бывший и весьма полезный по своей естественности и который должны принять за образец все братья, разделяющие отцовское книгохранилище. Вот мой метод: «Брат Петрусь! Вы у нас старший, вы берите 1-ый том; я, по старшинству за вами, возьму второй, за мною берет Сидорушка третий, Офремушка четвертый и Егорушка пятый. Это книги томные. А одиночки и оставшиеся из томных, за недостающим числом братьев, поставить по порядку и брать каждому по книге, начиная с старшего брата». Метод мой очень понравился <...> Так Петрусь же на стену полез! Кричит, спорит и требует, чтоб интересная книга не была разделяема. „Покорный слуга! Так это и отдай всего Клевеланда, а самому „тютю“? Нет, любезнейший братец! книга редкая, интересная, и я хоть частичку ее желаю иметь. Что за нужда: вторая ли, четвертая; без начала ли повесть, без развязки, да Клевеланд — мое, мне по праву наследства принадлежащее. Не уступлю ни за какие предложения“, — так я резал брату Петрусю»¹⁷.

В целом, можно сказать, что статус «нечитателя» сопрягается с такими понятиями, как «необразованность», «отсталость», «провинциальность». Это — как обратная сторона понятия «читатель». Однако если читательская аудитория в литературе предстает как нечто дифференцированное (каждый читает свое, или, как писал еще Н. М. Карамзин, «надобно всякому что-нибудь поближе: одному Жан-Жака, другому «Никанора»»¹⁸), то

¹⁷ См.: Квитка-Основ'яненко Г. Ф. Пан Халявский // Квитка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів. У 7 т. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 4. С. 168.

¹⁸ Карамзин Н. М. О книжной торговле и любви к чтению в России // Карамзин Н. М. Сочинения. В 2 т. Л.: Художественная литература, 1984. Т. 2. С. 119. Несчастному «Несчастному Никанору», с легкой руки Карамзина, не повезло, и он стал символом «неправильного» чтения на долгие годы вперед: «Я любил страстно читать книги и, какая бы мне ни попалась, я, не дочитавши, не оставляю ее, тем же более, схвативши в свои руки несчастного Никанора и открывши в нем сходные с моим влюбленным положением души, я не мог оторваться от него, запялся огарками и при них всю ночь напролет не уснул, пока не кончил книжки...

аудитория нечитательская — не дифференцирована. Это понятно: нечитающему человеку все равно, что именно не читать. Бумага, на которой напечатан текст, который, говоря словами гоголевского Петрушки, «иной раз черт знает что и значит», остается всего лишь бумагой. Ярче всего использование такой бумаги описал А. С. Пушкин в известной эпиграмме на иллюстрацию к собственному произведению:

Пупок чернеет сквозь рубашку,
Наружу титька — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:
Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на подтирку изорвала,
Конечно, «Невский альманах»¹⁹.

Однако, с другой стороны, «нечитатели» одних книг легко оборачиваются читателями других — и наоборот: читатели истинно ценных книг категорически отказываются становиться читателями «глупостей», «а пуше образцовых»²⁰. Графиня Анна Федотовна, например, твердо знает, какие именно книги она не хочет читать (вернее, слышать — ибо книгу ей читает приживалка Лизавета Ивановна): ей нужен «такой роман, где бы герой не давил ни отца, ни матери, и где бы не было утопленных тел» — причем Томский вынужден ответить ей: «Таких романов нынче нет»²¹. То есть, престарелая графиня оказывается осведомленной о новинках французской литературы — литературы «неистового романтизма» (не читая при этом

Да и наплакался же я за этою чудесною повестью!.. Но в ней же я открыл, что любящиеся не очень-то треплят себя по щекам, а большею частью целуются между собою при удобном случае... Прочитавши внимательно „Несчастливого Никанора“, я понял, что трепанье по щеке сущий вздор, а в поцелуях существенная сладость любви». — См.: *Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Очки // Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів. У 7 т. Київ: Наукова думка, 1979. Т. 4. С. 433.*

¹⁹ Русская эпиграмма (XVIII—начало XX века). Л.: Советский писатель, 1988. С. 254. — Однако в данном случае автор эпиграммы (Пушкин) особо подчеркивает, что на подтирку изорвана конкретная книга, явно не заслуживающая иного внимания со стороны столь просвещенной и начитанной особы, как героиня «Евгения Онегина», — «Невский альманах». И Татьяна здесь — как раз читательница, осуществившая сознательный читательский выбор *не в пользу* «Невского альманаха».

²⁰ *Грибоедов А. С. Горе от ума // Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений. В 3 т. СПб: Нотабене, 1995. Т. 1. С. 71.*

²¹ *Пушкин А. С. Пиковая Дама // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8, кн. 1. С. 232.*

русских романов²² — и, наверняка, журналов, которые могли бы предоставить ей сведения о французских новинках). Героиня пушкинского «Рославлева» Полина, хотя, как отмечает автор, «чрезвычайно много читала, и без всякого разбора», однако не читает книг единственного русского автора в отцовской библиотеке — «сочинений Сумарокова, которых Полина никогда не раскрывала»²³. Примеры можно умножать.

Пока же отметим, что сам мотив «чтения — нечтения» актуализируется в литературе не в последнюю очередь потому, что чтение как социальное явление становится массовым. Авторы волнует уже не столько нехватка читателей, сколько их качество. Они хотят не только коммерческого успеха, но и понимания. Чтение без понимания превращается для них в явный недостаток. Свою позицию приходится разъяснять и отстаивать теперь не только в профессиональной среде, но и среди публики. А для этого мало написать текст — нужно довести его до читательского сознания как текст концептуальный, несущий в себе идеологический посыл — и услышать ответ читателя, свидетельствующий о степени его понимания либо непонимания.

И это становится еще одной предпосылкой к переходу от монологической установки на читательское восприятие к установке диалогической.

Но об этом, следуя традиции нашего почтенного юбиляра, любящего публиковать свои опусы (в частности, грибоедовские) с продолжениями, мы поговорим в следующий раз.

²² Впрочем, как мы помним, тема дам, которых еще только «хотят заставить / Читать по-русски», проходит через многие пушкинские произведения. См.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. М.: Художественная литература, 2002. С. 131.

²³ Пушкин А. С. Рославлев // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8, кн. 1. С. 150.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

Кафедра истории русской литературы

Литература и человек

(Писатели, читатели, филологи)

*Сборник, посвященный 55-летию
профессора М. В. Строганова*

Марина

Тверь

2007